

ЗАРОЖДЕНИЕ РАЗУМА ЧЕЛОВЕКА: ОТ СТАДНОГО К ОБЩЕСТВЕННОМУ СОЗНАНИЮ

Аннотация. В философской антропологии сформировалась устойчивая система базовых представлений о факторах антропосоциогенеза. В соответствии с этими представлениями, ведущими силами, повлиявшими на возникновение разума человека, являются природная среда, труд и коллектив. Признавая несомненную значимость этих факторов, следует учитывать, что в их оценке преобладал эволюционистский подход. Это препятствовало выявлению революционного (экстраординарного) фактора, способного обеспечить скачок, эволюционный прорыв. В статье представлена гипотеза, восходящая к концепции советского антрополога Б.Ф. Поршнева, и оспаривающая строго эволюционистский подход к происхождению разума человека. Современные данные палеоантропологии и палеогенетики свидетельствуют о том, что фактором антропогенеза могла выступить дивергенция палеоантропов и неоантропов, что привело к формированию, не встречающейся в природных системах, модели взаимодействия между особями. Такая атипичная модель, основанная на стихийном искусственном отборе, и стала фактором становления разума человека и развития социальных связей между людьми.

Ключевые слова: дивергенция; разум; индивидуализация; общественное сознание.

К основным факторам антропосоциогенеза и причинам возникновения человека разумного относят: природную среду, труд и коллектив. При этом стала общим местом абсолютизация влияния данных факторов на эволюционный прорыв человека. Однако, сложно объяснить происхождение разума человека и общественного сознания только из приспособления к среде, то есть необходимости выживания в лесах, степях, джунглях и прочих местах обитания. Воздействие среды так или иначе преодолевают все живые организмы, что, однако, не приводит к возникновению у них разума.

Кроме того, влияние природной среды должно закреплять у особи регионально-полезные признаки, позволяющие наилучшим образом адаптироваться к внешним условиям. Фактические же данные свидетельствуют о странном парадоксе. Неоантропы (*Homo sapiens sapiens*) в физическом смысле были весьма ущербны. Они уступали палеоантропам не только в объеме мышечной массы, но и головного мозга. Ни на одном континенте нет такой среды, которая закрепляла бы недостатки особи, мешающие ее выживанию. Такое «слабое» существо, которым являлся неоантроп по сравнению с палеоантропом, не могло быть сформировано только естественным путем.

Ошибочной представляется абсолютизация фактора труда в процессе антропосоциогенеза. Под трудом Ф. Энгельс понимал целесообразную деятельность, которая начиналась с изготовления из камня, кости и дерева орудий труда. Этот тезис позволял большинству антропологов полагать, что питекантропы, синантропы и неандертальцы относятся к типу «человек», а их объединения определяются в качестве социальных образований. Основным аргументом в пользу человеческой природы архантропов и палеоантропов являлась их способность производить орудия труда. Однако орудия труда изготавливает и использует не только человек, но и человекообразные обезьяны, а также другие виды животных. Например, шимпанзе предварительно очищает ветку от листьев, чтобы использовать ее для добывания термитов. Листья же шимпанзе пережевывают и вылепливают губку при помощи которой добывает питьевую воду в древесных дуплах. Некоторые виды птиц используют колючки кактусов для извлечения насекомых из труднодоступных мест. Перечень примеров весьма обширен.

Наконец третьей причиной возникновения разума называют коллектив и, в частности, коллективные действия на охоте. Большинство антропологов считают, что первоначальным человеческим коллективом являлось первобытное человеческое стадо, существовавшее в период нижнего и среднего палеолита. «Антропологически эта эпоха представляет собой время

существования формирующихся людей: питекантропов, синантропов и неандертальцев» [1, с.1005]. В этой констатации присутствует неоправданное сближение понятий «человеческое стадо» и «коллектив». Заметим, что в коллективе в отличие от стада ограничено или устранено действие естественного отбора. Объединения палеоантропов, в сущности, не являлись социальными группами, то есть коллективами. Во-первых, современные данные свидетельствуют о том, что палеоантропы были каннибалами. Сильные поедали слабых. Действовал принцип естественного отбора. Только *Homo sapiens sapiens* благодаря разуму смог ограничить действие принципа естественного отбора, что дало начало истинному человеческому коллективу. Во-вторых, объединения неандертальцев были малочисленны и нестабильны. Наблюдался стадный характер взаимодействия между особями. В-третьих, у неандертальцев не было эволюционной предпосылки, позволявшей бы преодолеть жесткую детерминацию законов природной системы. В противном случае неандертальцы в ходе эволюции стали бы *Homo sapiens sapiens* и были бы нашими прямыми предками. Однако, современные исследования убедительно доказывают, что кроманьонцы и европейские неандертальцы принадлежали к разным биологическим видам [2]. На наш взгляд, коллектив явление не стадное, а социальное, поэтому он явился скорее не причиной, а взаимообусловленным по отношению к разуму явлением.

Эволюционный прорыв явление экстраординарное, а значит он может быть вызван причиной, выходящей за пределы типичных моделей взаимодействия между особями. По нашему мнению, такой причиной являлась дивергенция палеоантропов и неантропов, ставшая питательной почвой для развития речи. Эта идея восходит еще к концепции советского исследователя Б.Ф. Поршнева. Его изыскания в полном объеме стали доступны широкому научному сообществу только в 2007 году после публикации его работы «О начале человеческой истории» [3]. В советской период идеи Б.Ф. Поршнева либо подвергались критике, либо игнорировались, поскольку они вступали в

противоречие с отдельными марксистско-ленинскими представлениями о происхождении сознания, в частности с абсолютизацией в этом вопросе фактора труда и производственных отношений.

Современные данные антропологии свидетельствуют о том, что палеоантропы (неандертальцы) мало занимались охотой, а питались падалью и широко практиковали каннибализм. С этим соглашаются большинство современных антропологов. Б.Ф. Поршнев полагал, что палеоантропы вовсе не охотились. Неандертальцы поедали не только представителей своего вида, что встречается и в животном мире и называется адельфофагией, но и более слабых особей, пришедших в места обитания неандертальцев и являвшихся предками неантропов (гейдельбергский человек). Последние существенно уступали по своим физическим данным, и будучи покорены палеоантропами, стали источником мяса. Предки сапиенсов должны были не только выступать кормовой базой, например, отдавая часть своего приплода, но и охотиться для палеоантропов.

Так была сбита эволюционная программа. В природе нет такого типа взаимодействия, в котором один вид осуществляет стихийный искусственный отбор и специально выращивает свою кормовую базу, а второй вид, с целью выживания, отдает свой приплод и добывает для первого вида пропитание.

Неандертальцы вывели неантропов, опираясь на свою способность к интердикции. Она позволяет, вызывая один рефлекс, блокировать другой. Например, поскольку палеоантропы не охотились, а питались остатками пищи животных, они научились привлекать одних хищников для отпугивания других хищников, вынуждая первых оставить добычу. В данном случае у хищника голод и иные рефлекторные проявления перекрывались страхом, то есть защитные рефлексы (удаление от раздражителя) превосходили пищевые.

Механизм интердикции палеоантропы использовали и в отношении предков неантропов, приучив их к покорности, выработав в них иерархический рефлекс подчинения. В сущности, интердикция находилась в

основе искусственного отбора, породившего неантропа. Поскольку «неандертальцам требовалось для выживания около 4000 килокалорий в день» [4], неантропы были необходимы как источник мяса. В противном случае, с учетом имеющихся в арсенале палеоантропа форм хозяйствования, выжить этому виду было бы крайне сложно. Следует иметь в виду, что искусственный отбор носил в значительной степени стихийный характер. По всей видимости, критерий отбора также возник стихийно. Им стала постепенно развивающаяся у сапиенсов большелобость. По Б.Ф. Поршневу, критерием отбора была также безволосость неантропов.

Выскажем предположение, что интердикция, в основе которой находится бидоминантная модель, усиливала у неантропов рефлекс страха, тем самым тормозя рефлекс агрессии. Действительно, эти рефлекс имеют очень близкую химическую природу, связанную с выбросом адреналина. При этом усиление одного рефлекса тормозит другой. Вместе с тем связь между ними диалектическая. Страх в своих кульминационных точках способен порождать агрессию, и наоборот, в пиках агрессия вызывает страх за собственное существование.

Имеется достаточно данных, свидетельствующих о том, что гормональные факторы являются причиной изменения возбудимости центральной нервной системы, а также различной реактивности нервных центров. Адреналин – это гормон страха, который способен стимулировать деятельность неокортекса. Он в свою очередь отвечает за сознание и интеллект человека, выступая главным морфологическим признаком второй сигнальной системы.

Существует неустойчиво-сбалансированное состояние между активно-оборонительной (агрессия) и пассивно-оборонительной (страх, трусость) реакциями. При этом также, как и у животных, выращенных в вольерных условиях (например, волков), вначале доминирует пассивно-оборонительная реакция, так и у предков неантропов, ограниченных влиянием палеоантропов,

страх превосходил агрессию. После угасания, по различным причинам, боязни человека, волки начинают проявлять агрессивное поведение. Проводя аналогию с неантропами можно предположить, что суггестия (предсловесное и словесное воздействие друг на друга), снизив рефлекс страха, стимулировала агрессивные проявления сапиенсов по отношению к неандертальцам.

Выскажем гипотезу, что развитие большелобости сапиенсов было обусловлено, в частности, воздействием гормона страха на неокортекс. Перефразируя классика, можно сказать, что страх сделал из обезьяны человека. Он же стимулировал развитие речи, которая становится у сапиенсов своеобразной сублимацией страха и его ограничителем. Кроме того, речь – это инструмент выхода неантропов из-под зависимости от палеоантропов. Посредством речи устанавливались контакты между сапиенсами, что создавало условия для роста их социальности. Вместе было проще выжить, победить страх и противостоять троглодитам.

В дальнейшем суггестия перерастает в контрсуггестию, которая представляла собой форму словесного сопротивления палеоантропам. Иными словами, это способность говорить «нет», отвергать навязываемые модели поведения. Именно отсюда возникает и глоттогония (множественность языков). Для прерывания коммуникаций с иными (опасными) группами требовались слова непонятные представителям других сообществ. Язык есть первичный маркер различения чужих и своих в первобытном обществе.

Способность сапиенсов к контрсуггестии позволила им совершить против каннибалов палеоантропов революцию, которая переросла в длительное противостояние. Эволюционно этот процесс занял тысячелетия. Контрсуггестия ограничивала действие системы «насильственного» альтруизма, созданного троглодитами. Именно неантропы, освоив контрсуггестию, задались вопросами почему и зачем, что и включило социальные механизмы зарождения общественного сознания, призванное дать обоснованные ответы на эти вопросы.

Преодолев детерминацию биологических регуляторов, неантропы стали способны к творческому конструированию социальных отношений. И если в прямых военных действиях неандерталец благодаря своей силе превосходил бы кроманьонца, то в столкновении «социальностей» палеоантропы явно уступали. Если сапиенс мог усмирять свои страсти и объединяться в большие (по несколько десятков и даже сотен человек) дисциплинированные группы, то неандерталец был практически не способен к сознательному саморегулированию, а потому проявлял повышенную асоциальность, провоцируя взаимные антагонизмы. Это обстоятельство и не позволяло палеоантропам сформировать большие организованные коллективы. Успехи неантропов лишили троглодитов основного источника мяса, что и обусловило начало эпохи заката палеоантропов, их вымирание.

Примечательна характерная для неандертальцев инволюция, которая, на наш взгляд, также связана с неантропами. По мере накопления фактов стало ясно, что ранние (атипичные) неандертальцы были существенно ближе к сапиенсам, чем поздние (классические) неандертальцы. Удивительно, но атипичные неандертальцы имели более развитые лобные доли головного мозга, были более социальными. Их гортань лучше подходила для освоения членораздельной речи. Однако в дальнейшем неандертальцы начали деградировать. Большинство антропологов связывают примитивизацию палеоантропов с их проживанием в условиях холодного климата, недалеко от границ северного ледника. В качестве примеров приводятся народы, например, эскимосы, живущие в суровом климате на берегах Северного Ледовитого океана. Полагаем, что значение этого аргумента не следует преувеличивать, поскольку суровый климат скорее является вызовом, который не замедляет, а наоборот ускоряет развитие. В тоже время следует заметить, что холодовой стресс может приводить к нарушению работы надпочечников, что в свою очередь снижает интенсивность специфического гормонального воздействия на неокортикс и замедляет его развитие.

На наш взгляд, атипичные неандертальцы не имея кормовой базы в виде неантропов, прогрессивно эволюционировали, адаптируясь к сложным условиям жизни. После того как были покорены предки неантропов, вопросы борьбы за выживание стали для палеоантропов менее насущными, что снизило, а затем и пустило вспять прогрессивную активность неандертальцев.

Вместе с тем борьба неандертальцев с сапиенсами не исключала и их смешение. Исследования палеогенетиков Д. Рейча (Гарвардская медицинская школа), Б. Вернота и Д. Эйки (Вашингтонский университет) свидетельствует о том, что в ДНК современных людей содержание генов неандертальского происхождения составляет 20% [5]. Эта оценка превышает данную группой исследователей из Института Макса Планка (Германия) под руководством С. Паабо цифру. Последние полагали, что в геноме современных людей содержится от 1 до 4% генома неандертальца [6].

Б.Ф. Поршневу полагал также, что у палеоантропов существовал инстинкт, запрещающий убивать представителей иных видов, что и обусловило, с одной стороны, распространение каннибализма, а с другой стороны, использование биомассы умерших естественной смертью или умерщвленных хищниками животных. Неантропы же, по мнению Б.Ф. Поршнева, представляли собой инверсию, созданную интердикцией, то есть могли убивать представителей иного вида. По мере того как неантропы осваивали охоту на животных, стирался и первоначальный инстинктивный запрет на убийство палеоантропов. Окончательно этот запрет был разрушен после произошедшей в отношении троглодитов революции, приведшей к дивергенции кроманьонцев (свои) и неандертальцев (чужие).

Итак, по Б.Ф. Поршневу, палеоантропы имели инстинкт, запрещающий убивать представителей других видов, тогда как у неантропов такой инстинкт отсутствовал. На наш взгляд, нет весомых причин для строгой дифференциации инстинктов. В природе одни виды поедают другие, что обусловлено необходимостью выживания. Эта же необходимость заставляет виды

эволюционировать, например, от класса травоядных к классу плотоядных или совмещать эти две ниши. В этой связи ссылка Б.Ф. Поршнева на инверсию не убедительна.

Вероятно, что рефлекс, запрещающий убивать представителей иных видов, присутствовал у архантропов (максимально близких к растительноядным человекообразным обезьянам), но практически уже стерся у неандертальцев. Наличие такого рефлекса у палеоантропов явно препятствовало бы их адаптации к суровой окружающей среде и выживанию в ледниковую эпоху.

Нам представляется, что палеоантропы и неантропы не имели запрещающих инстинктов и могли убивать как животных, так и представителей своего вида, а также иных человекообразных существ, относимых к категории «чужих». Разница же в формах хозяйствования обусловлена не инстинктивной, а социальной причиной. Практика интердикции, реализованная палеоантропами в отношении неантропов, сформировала у последних «большелобость», то есть более развитые лобные доли (у неандертальца они занимают 18%, а у кроманьонцев более 24% мозговой территории). Именно развитая префронтальная область отвечает за социальность, коллективность особи. И именно коллектив способен обеспечить тесное общение, а значит, более развитую речь, рост ассоциаций и, в конечном итоге, богатство мышления.

Троглодиты имели низкий уровень социальности, что не позволяло им успешно скоординировать свои усилия для успешной охоты. В этой связи они и заняли нишу трупоедения и каннибализма. Неантропы, наделенные более высокой степенью социальности, заняли нишу охотников.

Встреча неандертальцев и предков неантропов произошла в эпоху мустье (100 тыс. – 40 тыс. лет назад). В этот период протекало противостояние палеоантропов и формирующихся неантропов. К концу эпохи мустье возник коллективный человеческий разум неантропов, определивший их победу в

этом противостоянии. В период позднего палеолита и мезолита шел процесс индивидуализации разума, который завершился посредством неолитической революции и появления монотеизма. Неолитическая революция в каждом из первичных центров протекала в течение 2–4 тысячелетий и в целом заняла период X–III тыс. до н.э. Освоение земледелия и скотоводства способствовало росту индивидуализации социального субъекта в материальной сфере.

В эпоху неолита появляется мифология. При этом мифология как первая синкретичная форма мировоззрения, как правило, связывается не с общественным, а со «стадным сознанием». Так, в работах Э. Тайлора [7] и Д. Фрэзера [8] время культуры мифа рассматривается как «инкубационный» период становления человечества, в котором осуществляется переход от биологической популяции к социальной общности людей. При этом в условиях растворенности человека в окружающей его среде, блокировался сам механизм зарождения общественного сознания. Для его запуска требовалось материальное и духовное (через абстракции и сферу трансцендентного) высвобождение человека.

Наличие мифологических абстракций в тотемизме, фетишизме или анимизме не выводило их за пределы земного мира, а значит, и форм мифологии. Общественное сознание появилось только тогда, когда религия, обнаружив сверхчувственный мир, позволила человеку ментально снизить свою зависимость от природы и общества и начать создавать свои правила социальной жизни. Это произошло в древнейших цивилизациях. Однако древние политеистические религии лишь намечали сферу трансцендентного. Религия в полном смысле этого слова возникла в рамках монотеистической системы иудаизма. Он создал сферу трансцендентного, отделяя человеческую сущность от строго природной или общественной. Иудаизм был первой общественной контрконтрсуггестией, предлагая альтернативную идейную программу мирового масштаба.

Начиная с этой эпохи в общественном сознании происходит противостояние двух сил: разумной (закрепленной в заповедях) и людоедской (наследие троглодитов). Вторая сила существовала и существует в разных формах, сводимых как к обоснованию необходимости физического уничтожения человека (посредством войн, репрессий, геноцида и т.п.), так и к созданию идеологий, уничтожающих человека духовно, посредством насаждения изуверских, античеловеческих ценностей. В эпоху современного антропологического кризиса важно помнить, что разум человека рождался как сила, преодолевающая людоедство (в самых разных его проявлениях) и человек разумен именно настолько, насколько он противостоит духовному и физическому уничтожению себе подобных.

Таким образом, общественное сознание, возникнув в древних цивилизациях (Шумеры, Вавилон, Египет и др.), сформировалось как система лишь на рубеже 2-1 тысячелетия до н.э. Зарождение общественного сознания вызывалось переходом к производящему хозяйству (неолитическая революция), а оформление определялось уровнем развития способности человека к контрконтрсуггестии, перовой из которых стала монотеистическая религия. В результате открылась дорога для создания иных идейных программ (форм общественного сознания), оказывающих влияние на различные сферы жизни общества.

Литература

1. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. – М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1967. – Т.10. - 534 с.
2. Harder B. Did Humans and Neandertals Battle for Control of the Middle East? [Электронный ресурс] // National Geographic. 28.10.2010. – Режим доступа: http://news.nationalgeographic.com/news/2002/03/0305_0307_neandertal.html (дата обращения 15.12.2014).
3. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. – Спб.: Алетейя, 2007. – 714 с.

4. Интернет-журнал «Тайны мира» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://secrets-world.com/history/5190-tayna-gibeli-neandertalcev.html> (дата обращения 07.01.2016).

5. Vernot B. Resurrecting Surviving Neandertal Lineages from Modern Human Genomes [Электронный ресурс] // Science. 28.02.2014. – Режим доступа: <http://www.sciencemag.org/content/343/6174/1017.abstract> (дата обращения 18.10.2015).

6. Raabo S. The genomic landscape of Neanderthal ancestry in present-day humans [Электронный ресурс] // Nature. 20.03.2014. – Режим доступа: <http://www.nature.com/nature/journal/v507/n7492/full/nature12961.html> (дата обращения 15.09.2015).

7. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

8. Фрэзер Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1980. – 832 с.

Zadvornov A.N., Ph.D., Associate Professor. Branch of Kazan (Volga) Federal University in Naberezhnye Chelny.

THE GENESIS OF THE HUMAN MIND: FROM HERD TO PUBLIC CONSCIOUSNESS

Abstract: In philosophical anthropology there is a stable system of basic concepts of antroposociogenesis factors. In accordance with these ideas, the natural environment, labor and collective are the leading forces that influenced the emergence of the human mind. Recognizing the undeniable importance of these factors we should take into consideration that evolutionary approach prevailed in their evaluation.

This prevented the identification of the revolutionary (extraordinary) factor, capable of providing the jump, a revolutionary breakthrough. The article presents a hypothesis, dating back to the concept of the Soviet anthropologist B.F. Piston and challenges an exclusively evolutionary approach to the origin of the human mind.

Modern data of paleoanthropology and paleogenetics point to the fact that divergence of paleanthropic and neanthropines could act as a factor of anthropogenesis and this led to the formation of type of interaction between individuals that is not found in natural systems. This atypical model based on

spontaneous artificial selection, became a factor of the development of the human mind and the development of social relationships between people.

Key words: divergence; mind; individualization; public consciousness.